

М.Ю. ВАХТИНА

ПОРФМИЙ – ГРЕЧЕСКИЙ ГОРОД У ПЕРЕПРАВЫ ЧЕРЕЗ КИММЕРИЙСКИЙ БОСПОР

Боспорский город Порфмий традиционно отождествляют с античным городищем, обнаруженным к северо-востоку от г. Керчь, на возвышенном плато недалеко от побережья Керченского пролива, на западной окраине современного пос. Жуковка [Веселов, 1952, с. 227-237; 2005, с. 14; Шургая, 1984, с. 69-71; Tsetskhladze, 1997, р. 62]. Сведения о поселении с таким названием содержатся в сообщениях древних авторов – Псевдо-Арриана и Стефана Византийского [Ps.-Arr. *Peripl. M. Eux.* 69, 70, 117; Steph. *Byz.*, s.v. Πορθμία καὶ Πορθμίον]. Происхождение названия этого города от греческого слова πορθμός – «переправа» – достаточно прозрачно и не вызывает сомнений у исследователей. Действительно, данные письменных и археологических источников позволяют реконструировать в непосредственной близости от города одну из традиционных переправ через Керченский пролив, в древности связывавшую Прикубанье с Крымом и Северным Причерноморьем в целом [Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980; Виноградов, 2005а, с. 214 сл.]. Как нам представляется, своеобразие географического положения Порфмия не могло не найти отражения в облике и исторической судьбе этого поселения.

Заслуга локализации древнего города принадлежит замечательному знатоку Керченского полуострова, общественному инспектору охраны памятников В.В. Веселову [1952, с. 227 сл.]. Первые раскопки городища были проведены Боспорской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР (ныне – ИИМК РАН) под руководством В.Ф. Гайдукевича в 1953 г. В последующие годы памятник регулярно исследовался силами отдельного отряда этой экспедиции. До 1985 г. раскопками руководила Е.Г. Кастанаян, осуществившая масштабные исследования так называемого «нового города», как иногда называют Порфмий, тотально перестроенный в эллинистическое время, фактически выстроенный заново на месте более древнего поселения. В результате этих работ мы можем составить представление о жизни небольшой боспорской крепости со второй половины III до середины I вв. до н.э. Следует подчеркнуть, что в настоящее время Порфмий является уникальным и наиболее полно изученным позднеэллинистическим городом-крепостью на территории европейского Боспора.

На протяжении следующего периода археологического изучения городища (1986–1990 гг.) основное внимание уделялось раскопкам слоев и объектов,

связанных с ранним периодом существования Порфмия, а также обследованию окрестностей древнего города. Третий период начался в 2002 г., после более чем десятилетнего перерыва¹; в этот период, наряду с работами на городище, началось исследование порфмийского некрополя. Участки, на которых велись раскопки, показаны на сводном топографическом плане (рис. 1)².

Таким образом, за несколько десятилетий систематических раскопок Порфмия был накоплен значительный археологический материал, позволяющий приблизиться к пониманию особенностей жизни и своеобразия материальной культуры этого «малого» боспорского города, попытаться понять, какие черты сближают ее с культурой других городов Боспора, а какие, напротив, присущи лишь этому поселению.

На основании имеющихся в нашем распоряжении археологических данных можно с уверенностью говорить об основании Порфмия в середине – начале третьей четверти VI в. до н.э. Как нам представляется, это поселение не являлось самостоятельным полисом, а, как полагает Ю.А. Виноградов, наряду с другими боспорскими поселениями, такими, например, как Мирмекий и Тиритака, возникло в результате «вторичной колонизации», осуществляемой по инициативе Пантикапея [Виноградов, 1995, с. 68; 2005, с. 228]. Концепция, предложенная Ю.А. Виноградовым, на наш взгляд, является наиболее приближенной к реальной исторической ситуации, сложившейся в районе Киммерийского Боспора на начальном этапе греческой колонизации региона, она позволяет «увязать» многие известные нам факторы в единую систему. Тем не менее, многие исследователи предполагают наличие в Порфмии и других «малых» боспорских городах полисной организации на начальном этапе их существования [см., напр., Сапрыкин, 2003, с. 19-20; Зубарь, Зинько, 2006, с. 15-16; Зинько, 2007, с. 43-44; Завойкин, 2007, с. 223 сл.].

Древний Порфмий располагался на скалистом плато (рис. 2). Размерами этого плато определялись и размеры греческого поселения во все эпохи его существования: площадь, на которой были обнаружены строительные остатки, не превышает 0,7 га. Возвышенность, на которой был построен город, обладала целым рядом несомненных преимуществ, прежде всего, связанных с военной сферой. Раскопки показали, что первые оборонительные сооружения Порфмия были построены достаточно рано, вскоре после его основания. Следует признать, что место для небольшого укрепленного поселения в районе традиционных переправ через Керченский пролив было

¹ С 2002 г. раскопки Порфмия ведутся при финансовой поддержке Фонда «Киммериды» (г. Москва).

² Топографический план городища и его окрестностей, представленный в этой работе, был составлен в 1990 и 2006 гг. Я.М. Паромовым, А.В. Реппо и Ю.Г. Кутимовым. Раскоп 1 на этом плане соответствует раскопу Г на плане, приведенном в работах Е.Г. Кастанаян [напр., Кастанаян, 1983, рис. 1], раскоп 2 – раскопу В, а раскоп 3 – раскопам А-Б.

выбрано чрезвычайно удачно. Со скального плато, где находился город, открывается прекрасный вид на окрестности и дороги, как сухопутные, так и морские. Отчетливо виден и берег по другую сторону пролива (рис. 3). Здесь удобнее всего переправляться с европейского Боспора на азиатский и, соответственно, наоборот. Отсюда, от Порфмия, удобнее всего путешествовать дальше, двигаясь вдоль побережья в сторону Мирмекия и Пантикапея. Расположенное на этом пути укрепленное поселение, несомненно, служило прекрасным опорно-наблюдательным пунктом.³

К югу и юго-востоку от городища расположены затопляемые водой низины; возможно, в древности море подходило ближе к стенам города. Берег в данной части удобен для строительства гавани – недаром в 50-х гг. прошлого века именно здесь был построен Порт-Крым, успешно функционирующий до сих пор⁴.

С севера, востока и запада к Порфмию примыкают небольшие равнины с пахотными землями и родниками пресной воды. При обследовании окрестностей городища здесь были зафиксированы остатки небольших каменных построек, к сожалению, почти полностью уничтоженных современной распашкой; обнаруженный подъемный материал относился к эллинистическому времени. В 1988 г. остатки одной из таких усадеб, построенной, скорее всего, во второй половине IV в. до н.э. и просуществовавшей до конца II в. до н.э., были раскопаны в 250 м к востоку от восточного склона плато, на котором находился город [Вахтина, 2002]⁵. Эти данные красноречиво свидетельствуют о том, что жители Порфмия активно использовали территорию вокруг поселения. Примечательно, что эти небольшие усадьбы располагались в непосредственной близости от укрепленной цитадели, что, несомненно, облегчало их обитателям возможность, в случае появления опасности, найти убежище за стенами Порфмия.

Порфмий, как уже говорилось, был основан приблизительно в середине VI в. до н.э. и прекратил свое существование вскоре после середины I в. до н.э., когда необходимость в укрепленном поселении в районе Керченского пролива, по всей вероятности, отпала. Раскопки позволили выявить следы пожаров и разрушений, разделившие историю этого маленького города на несколько периодов. Эти катастрофы, периодически нарушавшие стабильность жизни Порфмия, на наш взгляд, прекрасно иллюстрируют ситуацию, складывавшуюся в районе пролива на различных исторических этапах. Для жителей Порфмия близость традиционных переправ через Боспор Киммерийский

³ Показательно, что во время Второй Мировой войны именно эта возвышенность была выбрана оккупационными войсками для организации укрепленного наблюдательного пункта: южная часть городища изрезана линиями окопов.

⁴ На южной окраине плато, где расположен греческий город, в 50-х гг. был установлен створный маяк, на который ориентируются ночью паромы, идущие в Крым с Тамани и выходящие на фарватер.

⁵ Раскопки этого объекта велись под руководством ст.научного сотрудника ИИМК РАН Л.Б. Кирчо, которой автор выражает глубокую признательность.

не только приносила определенные преимущества, но и являлась источником потенциальной опасности. Кто же мог быть источником этой опасности, против кого возводились оборонительные сооружения «старого» и «нового» Порфмия? Как нам представляется, в качестве «нарушителей» стабильности в районе традиционных переправ через Киммерийский Боспор могли, в первую очередь, выступать воинственные группы местного, варварского населения. Несомненно, наибольшую опасность представляли кочевники, занимавшие доминирующее положение в степях Северного Причерноморья. В архаическую, классическую и раннеэллинистическую эпоху этими кочевниками были скифы, позже на смену им пришли сарматы.

Как мы уже упоминали, пожары, перестройки фортификационных сооружений разделяют относительно краткую историю этого небольшого города на несколько периодов [Вахтина, 2005а, с. 44-49]. Постараемся охарактеризовать их, описав наиболее выразительные из обнаруженных объектов.

Строительные остатки, относящиеся к второй половине VI – первой трети V вв. до н.э., были выявлены преимущественно в восточной и юго-восточной частях городища на площади более 400 кв. м. Здесь были обнаружены следы архаических фортификационных сооружений, являющихся не только древнейшими для данного памятника, но также одними из самых ранних среди открытых на Боспоре; по времени возведения и технике сооружения их можно сопоставлять лишь с оборонительными стенами древнего Мирмекия [Vinogradov, 1999, fig. 3. 1,2; Вахтина, Виноградов, 2001, с. 41-45]. За пределами Северного Причерноморья ближайшей аналогией этим конструкциям по технике возведения являются архаические оборонительные стены Старой Смирны.

Цоколь восточной архаической оборонительной стены Порфмия был раскрыт на протяжении более чем 12 м (рис. 4, 5). Эта оборонительная стена в древности шла в направлении с-в – ю-з по естественному склону плато, на котором было основано городище. В этом месте природная возвышенность имеет самый пологий склон, здесь находился наиболее уязвимый при нападении неприятеля участок. В основании открытой здесь стены лежал ряд крупных известняковых блоков (длиной до 1-1,2 м и шириной до 0,5-0,6 м); на этот нижний ряд кладки были уложены камни меньшего размера, пространство между ними было забутовано мелкими камнями. Кладка иррегулярная, рядовая (рис. 6). Максимальная сохранившаяся высота цоколя стены – 1,2 м, толщина – 1-1,1 м. Судя по сохранившимся развалам, верхняя часть стены была сложена из сырцовых кирпичей. Южный ее конец был пристроен к природным скальным выходам; здесь конструкция имела вид ломаной линии, образуя нечто вроде бастиона (рис. 7). С внутренней поверхности стены был сооружен водосток (рис. 8), по которому сточные воды по естественному склону выводились за пределы городища. Остатки его сохранились на протяжении 10 м в длину, глубина ложа достигала 0,4 м. «Выход» водостока, через который воды вытекали наружу непосредственно у

внешней стороны архаической оборонительной стены, был зафиксирован в южной ее части; впоследствии, на протяжении следующего строительного периода, водосток не функционировал и его «выход» был закрыт камнем.

Южная линия обороны Порфмия сохранилась гораздо хуже. В этой части памятника укрепления шли вдоль южной границы плато, имевшего здесь крутой склон. В конструкции были использованы огромные естественные скальные глыбы известняка: они иногда слегка подтесывались, а перемычки между ними заполнялись мелкими камнями, иногда природные выходы известняка «достраивались» кладкой из более мелких камней. К сожалению, эта оригинальная конструкция сохранилась лишь фрагментарно, хотя трасса ее четко прослеживается по всей раскрытой площади (примерно на 20 м в длину).

Еще один фрагмент ранней оборонительной стены городища был обнаружен при раскопках жилых кварталов позднеэллинистического времени в юго-западной части памятника (рис. 9). Здесь участок архаической оборонительной стены был инкорпорирован в значительно более позднюю постройку и служил стеной жилого дома позднеэллинистического времени [Вахтина, 2006, с. 35, рис. 5]; основная часть ранних фортификационных сооружений западной части Порфмия, очевидно, к этому времени была разобрана.

Все охарактеризованные выше оборонительные сооружения связаны с начальным периодом существования города. Археологический материал, найденный по трассе оборонительных стен и в заполнении водостока [Vakhtina, 2003, fig. 9-12; Вахтина, 2006, с. 36, рис. 7], позволяет отнести их ко второй половине VI в. до н.э. Среди находок восточногреческих амфор особенно интересен фрагмент горла милетской амфоры [Вахтина, 2006, с. 36, рис. 6], который можно датировать в пределах третьей четверти столетия. По морфологическим признакам, цвету и качеству глины этот фрагмент близок находке из березанского колодца № 5 [Монахов, 2003, с. 248, рис. 3]. Среди находок столовой восточногреческой керамики – фрагментированный североионийский кувшин с росписью в виде полос и волнистых линий, нанесенных темно-красным лаком, и ручками-выступами (рис. 10, 11), многочисленные фрагменты клазоменских амфор с «чешуйчатым орнаментом» (рис. 12), фрагмент стенки закрытого клазоменского сосуда с пояском полихромного орнамента (рис. 13).

В конце периода, на рубеже VI–V вв. до н.э., Порфмий переживает первую катастрофу – на всей площади, где были выявлены архаические остатки, прослежены следы пожара. Горелый слой, лежащий на материке, достигает толщины трех сантиметров; обнаруженные здесь находки, в том числе развалы амфор, лежащих *in situ* (рис. 14), сильно обожжены. На участке, примыкающем к восточной оборонительной стене, за пределами городища были найдены мелкие фрагменты человеческого черепа. Следует отметить, что следы разрушений и пожаров позднеархаического времени повсеместно фиксируются на участках, где культурный слой был исследован до материка.

В 1972 г. при раскопках культурных напластований до материковой скалы в западной части городища, исследовавшегося под руководством Е.Г. Кастанаян, был найден однолезвийный железный нож или кинжал⁶. Длина его составляет 30 см, максимальная ширина лезвия – 5 см (рис. 15). О его датировке можно судить по материалам, найденным вместе с ним в слое и нашедшим отражение в полевой документации [Кастанаян, 1972, л. 10-11]; судя по археологическому контексту [Кастанаян, 1972], его можно датировать временем не позднее начала V в. до н.э. Форма ножа находит параллели в материалах лесостепного правобережного Приднепровья раннескифского и среднескифского времени [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 72, рис. 16, 27, 28; с. 94, рис. 17, 19, 21]. Скорее всего, его рукоятку украшало зооморфное изображение; к сожалению, судить об этом трудно, так как нож не был очищен и отреставрирован. На наш взгляд, порфмийской находке наиболее близок нож из кургана 491 у с. Макеевка [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, рис. 16, 17].

Представляет интерес и еще одна находка, связанная со «скифской темой» – фрагмент тулова небольшого аттического чернофигурного лекифа (рис. 16), найденный в слое по трассе южной архаической оборонительной стены на юго-восточной окраине городища [Вахтина, 2005а, с. 98]. На нем был изображен «скиф», держащий под уздцы двух лошадей; он представлен в характерном остроконечном головном уборе, с горитом, подвешенным у пояса [Вахтина, 2007, рис. 1-3]. По характеру изображения фрагмент можно датировать 510-500 гг. до н.э. Лекиф принадлежал к хорошо известной группе сосудов, украшенных сценами с изображениями конных и пеших «скифов». Такие сосуды были достаточно широко распространены в аттической вазописи позднеархаического времени; основная их часть датируется 520-490 гг. до н.э. Исследователи спорят по поводу трактовки этих сюжетов, степени их реалистичности и правомерности соотнесения представленных на аттической керамике варваров с конкретными скифами, населявшими северопричерноморские степи⁷. Однако, в независимости от понимания подобных сюжетов, нет никакого сомнения в том, что жители Порфмий (как и других боспорских поселений) прекрасно представляли себе скифов реальных. И потому находка фрагмента сосуда этой группы, единственного для греческих колоний Северного Причерноморья, именно в Порфмий, поселении, расположенном в непосредственной близости от «скифских переправ», кажется глубоко символичной.

Одна из особенностей и трудностей в исследовании Порфмий – отсутствие на сегодняшний день (несмотря на многочисленные попытки) отчетливых данных о жилых комплексах, принадлежащих первым порфмийским поселенцам, хотя керамические материалы, относящиеся к начальному эта-

⁶ Эта находка хранится в Керченском историко-культурном заповеднике; П72–69.

⁷ Литературу по проблеме см. Вахтина, 2007, с. 56-63.

пу существования поселения, найденные в слое, достаточно репрезентативны. Заглубленные в землю жилища, т.н. землянки, характерные для начального этапа существования греческих поселений Северного Причерноморья [см. Виноградов, Рогов, 1997; о земляночном строительстве на Боспоре см. Виноградов, 2005а, с. 229-230] в Порфмии пока обнаружены не были. Возможно, это объясняется тем, что слой материковой глины на этом памятнике незначителен, а непосредственно под ним залегает природная скала, в которой достаточно трудно сделать углубление.

Все, что пока удалось сделать в плане изучения архаического домостроительства в Порфмии, – выявить фрагменты оснований и развалы сырцовых стен, по-видимому, возведенных непосредственно на древней дневной поверхности. Наиболее выразительные и хорошо сохранившиеся остатки застройки этого типа были исследованы в 2002 г., когда было раскрыто помещение, построенное в другой технике, и более древнее, по сравнению с известными ранее. Тогда в северо-восточной части городища были обнаружены остатки основания наземной постройки, по периметру которой были уложены мелкие камни известняка (длина самых крупных не превышает 0,20 м), уложенных в один ряд (рис. 17). Они ограничивали подпрямоугольное помещение (северная стена имела длину 6,72 м, южная – 7 м, восточная – 1,9 м, западная – 2,4 м), ориентированное по линии восток-запад; с востока к этому большому помещению, очевидно, примыкало другое, меньших размеров, остатки которого сохранились значительно хуже. Над этим нижним опорным рядом камней, несомненно, были возведены сырцовые стены: на поверхности исследуемого участка выявлены пятна сырцовых развалов. Время функционирования данного наземного комплекса определяется в рамках второй половины VI в. до н.э. Об этом, в частности, можно судить по остаткам протофасосских амфор, лежавших *in situ* на обожженном уровне пола комплекса [Vachtina, 2003, p. 46-47, fig. 15-17; Монахов, 2003, с. 255, рис. 8]. Судя по материалу, эта постройка прекратила свое существование в результате пожара, произошедшего в самом конце VI в. до н.э. (не позднее рубежа VI–V вв.), то есть, сгорела в результате первой катастрофы, о которой мы писали выше.

В западной части раскопа 1 (Г) были зафиксированы развалы сырцовой стены, толщина которой достигала 0,5 м, а суммарная длина – около 3-х м; в ее основании также были расчищены мелкие камни. Судя по сохранившимся остаткам, стена была ориентирована в направлении север-юг, что соответствует как ориентировке цоколя древнейшей оборонительной стены, так и планировке жилой застройки, возникшей здесь после пожара. При разборке сырцовых развалов были найдены: фрагмент восточногреческого кувшина второй половины VI в. до н.э. с росписью в виде волнистых линий и фрагмент клазоменской столовой амфоры с частью изображения крылатого фантастического существа (сирены?), который можно датировать третьей – началом последней четверти этого столетия (рис. 18).

Возможно, остатки какого-то заглубленного в грунт помещения, точные границы которого зафиксировать не удалось, были выявлены в небольшом разведочном раскопе 1986 г. на участке к югу от южной линии природных скальных выходов в восточной части городища. Здесь был расчищен развал небольшого глинобитного очага (рис. 19), фрагменты амфор ранних типов, в том числе ножка клазоменской амфоры на широком поддоне, которую можно отнести к середине – третьей четверти VI в. до н.э.

К числу предметов обихода первых жителей Порфмий принадлежат и фрагменты двух орнаментированных подставок-жаровен для очага (рис. 20), которые можно датировать временем не позднее рубежа VI–V вв. до н.э. [Вахтина, 1997, рис. 1; Грицик, 2004, с. 152-156, рис. 1]. Эти фрагменты также были найдены в слое пожара по трассе архаических оборонительных стен и, очевидно, происходили из разрушенных жилищ древнейшего периода городской застройки.

Говоря о керамических материалах, связанных с начальным периодом существования города, следует отметить присутствие незначительных по количеству фрагментов лепной посуды; основная часть профилированных частей принадлежала неонаментированным горшкам со слегка отогнутыми наружу венчиками, характерными для т.н. «степных» типов (рис. 21). Следует также отметить находки стенок колхидского пифоса с рельефным орнаментом, одного из самых ранних экземпляров, известных на Боспоре, что, возможно, свидетельствует о контактах жителей Порфмий с населением более восточных областей, лежащих по другую сторону Понта.

Результаты раскопок позволяют утверждать, что жизнь в Порфмий после первой волны разрушений восстановилась достаточно быстро. Очевидно, были восстановлены и продолжали функционировать фортификационные сооружения. Правда, после катастрофы древнее ложе водостока, шедшего вдоль внутренней стороны восточной оборонительной стены, было засыпано землей, а его выход, как уже говорилось, заложен камнем.

После пожаров и разрушений конца VI – рубежа VI–V вв. до н.э. в домостроительстве позднеархаического Порфмий, по-видимому, наступает новый этап. Здесь появляются постройки, возведенные в технике, известной по исследованиям других боспорских памятников. К западной, внутренней стороне восточной оборонительной стены был пристроен большой жилой наземный комплекс (рис. 22). Ориентировка его хорошо «увязывается» с ориентировкой оборонительных стен. Этот комплекс был раскрыт на площади 16 x 10 м и состоял не менее чем из 9 небольших помещений. Цоколи стен были сложены из небольших камней известняка, кладка рядовая, с забутовкой глиной и мелкими камнями. Верхние части стен, очевидно, были сырцовыми. В ряде помещений кладка стен сохранилась на 0,5-0,7 м в высоту, пол одного из них (№ 2) был вымощен известняковыми плитами, достигавшими 0,5-0,6 м в длину, и обломками керамики. В этом помещении был найден фрагмент костяной рукоятки ножа с циркульным орнаментом (рис. 23). Об-

наруженный в помещениях материал датируется в пределах последней четверти VI – первой трети V в. до н.э.

Вероятно, с функционированием этого комплекса можно связывать небольшой зольник, возникший на восточной окраине скального плато, за пределами восточной оборонительной стены (примерно в 5 м к востоку от нее). Зольник содержал материалы начала V в. до н.э. В их числе фрагмент медальона дна аттической чаши с росписью в краснофигурной технике (рис. 24), костяной стилос для письма, фрагмент костяной пластины (рис. 25). Вероятно сюда, за пределы городской черты, куда ранее выводились сточные воды, в это время высыпали золу от очагов. Позже, в раннеэллинистическое время, на этом участке за пределами восточной архаической городской стены возникает огромная мусорная свалка.

Позднеархаический большой наземный комплекс, возведенный на горелом слое, связанном с какой-то ранней катастрофой, был перекрыт другим горелым слоем, свидетельствующим о новом, более позднем по времени, пожаре. Его можно датировать концом первой трети V в. до н.э. Остатки пожаров этого времени прослеживаются на всех раскрытых до его уровня участках памятника, что свидетельствует о масштабности катастрофы. Пожары и разрушения, относящиеся к концу первой трети V в. до н.э., зафиксированные в Порфмии, находят аналогии и на других памятниках европейского Боспора, также переживавших не лучшие времена [Толстиков, 2001а, с. 45-48]. Этот период справедливо считается временем дестабилизации, нарушения привычного уклада жизни как на Боспоре [Виноградов, 2005а, с. 239 сл.], так и во всем Северном Причерноморье [Виноградов, Марченко, 1991, с. 149-151; Алексеев, 1992, с. 7, 118 сл.; 2003, с. 194-196, 208 сл.].

С этим периодом разрушений, вероятно, связана находка дна чернолаковой аттической чаши начала V в. до н.э. с граффито [...] Ε ΠΑΡΘΕΝΩ [...] на внешней стороне дна, изданная С.Р. Тохтасьевым [1993, с. 74-75].

Таким образом, на основании анализа строительных остатков, раскрытых на большой площади в восточной части городища, мы можем наметить два основных этапа в развитии архаического Порфмия, отделенных друг от друга и от последующего этапа слоями пожаров и разрушений. Эти разрушения, на наш взгляд, прекрасно иллюстрируют достаточно сложную ситуацию, существовавшую в эпоху архаики в районе Киммерийского Боспора. Сооружение оборонительных стен в Порфмии практически с самого начала его существования, очевидно, диктовалось суровыми реалиями жизни. Ситуация в районе переправы через Керченский пролив была, по всей видимости, достаточно опасной, но все же позволяла основать здесь постоянное поселение и отстраивать его по мере необходимости. Несомненно, при выборе места для города учитывались и реально существовавшие преимущества.

Говоря о более позднем времени, необходимо признать, что мы пока не располагаем достаточными данными, чтобы реконструировать облик Порфмия

IV в. до н.э. Все выразительные комплексы и постройки, обнаруженные на городище, относятся либо ко второй половине VI–V вв. до н.э., либо к III–I вв. до н.э. Примечательно, что эта «лакуна» фиксируется именно для IV в. до н.э., эпохи, традиционно считающейся периодом расцвета Боспорского государства. Археологические исследования 80-х гг. прошлого века позволили зафиксировать в восточной части памятника (раскоп I\Г) участки золистого слоя, перекрывающего строительные остатки позднеархаического и раннеклассического времени. Здесь, в яме № 5, был обнаружен склад из 9 амфор (8 – гераклейских и 1 – неизвестного центра), очевидно, представлявшей собой остатки подвала дома первой половины IV в., позже полностью разобранного. Верхняя дата этого комплекса, определенная С.Ю. Монаховым, ограничивается началом – серединой 70-х гг. IV в. до н.э. [Монахов, 1999, с. 260-263].

Выразительный материал IV в. до н.э. был получен в результате раскопок площади за пределами восточной архаической оборонительной стены городища. На этом участке слой, не содержащий никаких строительных остатков, был чрезвычайно насыщен находками, прежде всего, керамическими. На основании датировок обнаруженных здесь амфорных клейм и чернолаковой посуды можно заключить, что основная масса этого материала относится к IV в. до н.э., в основном, к первой половине столетия. Здесь же был найден массивный и тяжелый лутерий, изготовленный из местного известняка (рис. 26), использовавшийся ранее, вероятно, в ритуальных целях. Скорее всего, участок за пределами восточной оборонительной стены был использован в качестве мусорной свалки; складывается впечатление, что она возникла в результате одноразовой акции, а не в процессе долгого накопления. Возможно, сюда свозили строительный мусор, появившийся в ходе работ по дальнейшему масштабному строительству на городской территории в середине – второй половине III в. до н.э., которое было сопряжено с разборкой строений более раннего времени (речь о нем пойдет ниже).

Для этого периода фиксируется глобальная перестройка существовавшего ранее поселения. Топография и планировка так называемого «нового города», построенного по единому плану после единовременной разборки построек более раннего времени и перепланировки всего городища, была изучена Е.Г. Кастанаян [Кастанаян. 1968; 1971; 1972; 1983; см. также Шургая, 1984]. Перестройка и перепланировка Порфмия, строительство новых оборонительных сооружений, по всей вероятности, были продиктованы, прежде всего, изменениями в демографической и общеполитической ситуации на Боспоре, связанными, прежде всего, с появлением и утверждением в северопричерноморских степях новой волны кочевников – сарматов и переориентировкой внешнеполитического курса боспорских правителей. Облик города претерпел значительные изменения. Несомненно, не могла не измениться и жизнь его обитателей.

Новые оборонительные сооружения – стены и башни – предназначались не только для защиты жителей города, но являлись также важным звеном в

фортификационной системе Боспора в целом. О том, что «новый Порфмий» был сооружен как крепость, свидетельствует тот факт, что городские кварталы возводились одновременно с оборонительными стенами, по единому, регулярному плану. Е.Г. Кастанаян обратила внимание на то обстоятельство, что строительство новых укреплений в Порфмии начинается в период нового подъема экономики Боспора, после преодоления кризиса первой половины III в. до н.э.; в это же время начинается усиление оборонительных систем других греческих центров Боспора и шире – Северного Причерноморья [Кастанаян, 1983, с. 167-168]. Не исключено, что глобальной перестройке Порфмия также предшествовал пожар. Во всяком случае, стратиграфия восточного раскопа показывает три золистых прослойки (рис. 27): первые две из них отчетливо соотносятся с катастрофой и разрушениями, описанными выше, обстоятельства и время появления последней нуждаются в проверке и уточнении в процессе дальнейших раскопок. В этой связи хочется обратить внимание на восстановление оборонительных стен Фанагории, имевшее место в III в. до н.э. [Завойкин, 2004, с. 51; 91], а также на появление на сельской территории Боспора новых укрепленных поселений (о последних речь пойдет ниже), зафиксированное для этой эпохи; синхронность этих явлений с возведением новых оборонительных сооружений Порфмия была отмечена А.А. Завойкиным [2007, с. 237, прим. 54]. Возможно, в контексте этого нового этапа, начавшегося в истории Боспора, связанного со строительством новой серии укреплений и укрепленных пунктов, можно рассматривать и возведение первых оборонительных сооружений Китея, построенных в конце IV в. до н.э. [Молев, 2006, с. 122; Molev, 2007, р. 92]; судя по данным археологии, до этого Китей существовал как неукрепленное поселение, по меньшей мере, на протяжении столетия⁸.

Порфмий является одним из самых ранних городов-крепостей позднеэллинистического времени, открытых на Боспоре (рис. 28). Оборонительные стены города и его жилые постройки были ориентированы по сторонам света. Стены, частично выявленные по всему периметру города, были сложены из крупных, почти необработанных глыб мшанкового известняка, грубо стесанных по фасадам. Стены возводились на бутовом фундаменте высотой 1 м, который иногда выступал за внутреннюю линию стены на 0,30 м.

Раскрыта одна из башен новой оборонительной линии (рис. 29), имевшая в плане прямоугольную форму (9,97 x 9 м; размеры внутреннего пространства – 4,1 x 3,8 м). Башня была расположена в северо-западном углу, несколько выдаваясь за пределы крепостной стены, что давало защитникам города возможность флангового обстрела подступов к укреплениям. Северная и западная

⁸ С.Ю. Сапрыкин связывает с началом этого этапа «негативные» явления, фиксирующиеся в других регионах Северного Причерноморья – на хоре Ольвии и хоре Херсонеса, прежде всего, гибель неукрепленных поселений и появление поселений укрепленных [Сапрыкин, 2003, с. 29]. Эти изменения он справедливо связывает не только с усобицами, но и с передвижением варваров.

стены башни достигали 2 м в ширину, восточная – 1,2 м, южная – 1,5 м. К внешнему фасаду северной (наружной) стены был пристроен дополнительный панцирь шириной до 0,75 м. Внутрибашенное помещение имело площадь 26 кв. м. В его восточной части раскрыта вымостка из плит, при расчистке которых был обнаружен во вторичном использовании акротерий известнякового надгробия IV в. до н.э. с изображением пальметты. У северной стены башни на вымостке находилось погребение собаки, над которым был насыпан земляной холмик, обложенный мелким бутовым камнем. Вход в башню находился в ее южной стене. Башня фланкировала калитку в западной оборонительной стене, за калиткой располагался привратный двор площадью 7,5 х 3,5 м. К северной и западной оборонительным стенам был пристроен ряд сообщающихся между собой помещений. Об облике башни и примыкающих к ней сооружений можно судить по реконструкции (рис. 30), принадлежащей В.П. Толстикову [Tolstikov, 1997, S. 226, Fig. 23].

Эллинистический Порфмий, очевидно, представлял собой небольшое военное поселение. Как полагала Е.Г. Кастанаян, в таком городе могло проживать до 400 человек. Позднеэллинистический город состоял из восьми прямоугольных кварталов шириной 11 м, вытянутых с востока на запад. Каждый из них представлял собой единый строительный блок. Кварталы были разделены тремя продольными улицами и переулками. Срединный переулок делил город на две части – западную и восточную. Вдоль восточной и западной оборонительных стен также были проложены переулки. Ширина продольных улиц составляла 1,50-1,75 м; переулков – 1,50 м. Жилые дома сгруппированы в блоки по кварталам; каждый квартал был разделен поперечными стенами на отдельные участки с домом и двориком (рис. 31). Дома состояли из одной, либо нескольких комнат. Площадь жилых помещений – 15-20 кв. м; некоторые из них достигали площади 35 кв. м. Площадь дворов – около 50 кв. м. Стены были сложены на глиняном растворе из небольших камней известняка или ракушечника, слегка подтесанных по фасаду. Крыши обычно покрывались боспорской черепицей, гораздо реже встречалась черепица из Синопы. Город отличался сравнительным благоустройством [Кастанаян, 1983, с. 160-161]. О декоре отдельных домов свидетельствуют находки фрагментов двух известняковых дорических капителей (одна из них показана на рис. 32), обнаруженных при раскопках юго-западной части поселения и, по определению А.В. Буйских, принадлежавших не храму, а небольшому частному или же общественному строению⁹.

Нам пока не удастся обнаружить близких аналогий планировке позднеэллинистического Порфмия среди синхронных памятников Материковой и Восточной Греции. Обычно в качестве ближайшей аналогии приводят планировку крепости Илурат [Гайдукевич, 1958, рис. 13; Goroncharovskiy, 2007, fig. 1],

⁹ Выражаю благодарность ст. научному сотруднику Института археологии НАН Украины А.В. Буйских за консультации по этому вопросу.

возникшей значительно позже. А.А. Масленников сравнил планировку «нового» Порфмия с планировкой укрепленного сельского поселения у с. Семеновка, существовавшего в то же время [Масленников, 1998а, с. 143, рис. 94]. Такое сопоставление вполне справедливо. Действительно, изучение топографии и планировки эллинистического Порфмия в сравнении с планировкой крупных сельскохозяйственных комплексов, возникающих в это время на Керченском полуострове, представляется весьма перспективным. В качестве еще одной аналогии может служить, например, городище Сююрташ (Золотое Восточное), существовавшее с середины III по конец II вв. до н.э. [Масленников, 2007б, с. 410-411, рис. 171б], а также некоторые другие памятники [Maslennikov, 2007, fig. 3-6].

Обращаясь к данным об освоении греками сельской территории восточной части Керченского полуострова, нельзя не заметить, что возведение новых укреплений Порфмия, перестройка его жилых кварталов синхронна значительным переменам в облике сельскохозяйственной округи боспорских городов. Вот как писала об этом И.Т. Кругликова, посвятившая почти четверть века исследованиям хоры Боспора: «Новый этап в истории сельскохозяйственной территории Боспора начинается во второй половине III – начале II в. до н.э., когда большая часть неукрепленных сельских поселений запустела, на новых, более удобных для обороны местах возникли новые поселения, появились крупные укрепленные усадьбы» [Кругликова, 1975, с. 101]. Проведенные позже масштабные исследования А.А. Масленникова вполне подтверждают этот вывод [Масленников, 1998а, с. 89; 2007а, с. 206-207]. Нельзя не согласиться с утверждением, что «вторая четверть – середина III в. до н.э. – важный рубеж в ее (т.е. хоры Европейского Боспора – М.В.) истории, а, значит, и всего Боспорского государства» [Виноградов, 2006а, с. 283 сл.]. А.А. Масленников не без основания считает вторую половину III – начало I вв. до н.э. одним из самых «смутных и малоизвестных» периодов в истории Боспора [Масленников, 2007а, с. 206].

Планировка Порфмия этого периода, для которой характерна «правильность», компактность, максимальное освоение небольшого пространства на вершине природной возвышенности, находит ближайшие параллели в планировке больших укрепленных усадеб и поселений Восточного Крыма и Крымского Приазовья, существовавших в то же время. Не исключена возможность, что планировка этой небольшой крепости, с рядами жилых домов и хозяйственных помещений, стены которых в северной, западной и южной частях города пристроены непосредственно к оборонительным стенам, является изобретением боспорских строителей. Несомненно, они возводили ее с учетом опыта античного градостроительства, для которого вообще было характерно сочетание сложившихся традиций с экспериментом, всесторонняя оценка конкретных особенностей местности, назначения возводимых построек и т.п. Витрувий в своем знаменитом трактате по архитектуре учил как следовать

традиции, так и «видоизменять ее в соответствии с природным местоположением или величиной сооружения» [III, 3. 13; цит. по Витрувий, 1936], так как «в каждой стране народ рождается с несходными качествами как души, так и телосложения. Поэтому устройство домов должно быть согласовано с особенностями различных племен и народов» [IV, 1. 12]. Добавим от себя – и конкретной военно-политической ситуацией.

Е.Г. Кастанаян, вслед за В.Ф. Гайдукевичем, называла поздний Порфмий клерухией, т.е. военным поселением, возникшим, вероятно, в результате какой-то целенаправленной акции, приводя как пример такой акции переселение и наделение земель каллатийцев при Евмеле, о котором рассказывает Диодор Сицилийский [XX, 25]¹⁰. Нетрудно себе представить, что «новый» город был населен семьями, на мужскую часть которых были возложены обязанности по несению военной службы, наблюдению за районом переправы, поддержанию в надлежащем виде фортификационных сооружений и пр. Обширная плодородная равнина, примыкающая к городу с севера, использовалась его жителями как сельскохозяйственная территория.

Материалы, обнаруженные при раскопках эллинистических комплексов, свидетельствуют, что жители города занимались сельским хозяйством, рыболовством и охотой. Импортная керамика представлена эллинистическими амфорами, черно- и краснолаковой керамикой, керамикой с накладным орнаментом, «мегарскими» чашами, малоазийскими рельефными сосудами. За годы раскопок Порфмия собрана большая коллекция терракотовых статуэток эллинистического времени [Кастанаян, 1970], среди найденных экземпляров наиболее выразительно представлены изображения женских божеств (рис. 33). Находки лепной керамики для этого периода по-прежнему немногочисленны, значительную ее часть при этом составляют сосуды, имитирующие античные; так, например, в Порфмии широко представлены типы лепных кастрюль, известные по материалам Нимфея [Гаврилюк, Соколова, 2007, с. 273-275].

Анализ остеологических находок из эллинистического слоя, проведенный А.В. Каспаровым, показывает относительно высокий, по сравнению с материалами из раскопок других боспорских поселений, процент крупного рогатого скота, что, возможно, говорит о хорошем рационе питания населявших Порфмий жителей. Анализ костных остатков показал также, что жители города занимались охотой на дикую птицу практически круглый год¹¹.

В последние годы начались исследования на некрополе Порффмия, некогда открытом В.В. Веселовым [2005, с. 12-14]. Раскапывается его участок, функционировавший в позднеэллинистическое время, т.е., синхронный позднему периоду существования города, расположенный примерно в 300 м к западу

¹⁰ Архив Е.Г. Кастанаян. Неоконченный очерк «Порфмий», с. 11-12.

¹¹ Выражаю благодарность ст. научному сотруднику ИИМК РАН А.В. Каспарову за предоставленную работу по определению остеологических материалов из Порфмия.

от городища, за небольшой балкой¹². На участке были обнаружены могилы разных типов: погребения в простых грунтовых ямах, плитовые гробницы и склепы, сложенные из крупных обтесанных блоков известняка [Вахтина, Стоянов 2006]. Всего было раскопано шесть склепов, содержавших многократные захоронения людей, связанных, очевидно, родственными узами. Положение костных останков позволяет прийти к заключению, что умершие были погребены в вытянутом положении, головой на восток (рис. 34). К сожалению, склепы были ограблены (некоторые еще в древности), но даже дошедшие до археологов материалы позволяют судить об относительном богатстве и разнообразии погребального инвентаря, представленного обломками столовых сосудов, бусами, металлическими изделиями и монетами. С одним из склепов (№ 1) связана находка антропоморфного надгробия (рис. 35). Грунтовые и плитовые могилы, как правило, содержали одиночные захоронения с более скромным инвентарем.

Примерно в середине I в. до н.э. (или чуть позже) город был заброшен и никогда больше не восстанавливался. Никаких разрушений или пожаров этого времени на памятнике выявлено не было, очевидно, он был просто оставлен жителями. Бурный период в истории Боспора, начавшийся после Митридатых войн, повлек за собой дестабилизацию общеполитической ситуации и, вероятно, переориентировку многих «векторов» в политике государства. Время прекращения жизни в Порфмии, уход гарнизона из этой небольшой крепости синхронны появлению новой системы укрепленных поселений в глубине полуострова, значительно удаленных от побережья, таких как Илурат и крепость у пос. Артезиан. В.Ф. Гайдукевич в свое время полагал, что «причиной (ухода населения – М.В.), по-видимому, послужило обмеление бухты, повлекшее за собой значительное отступление береговой полосы в восточном направлении. В связи с этим функции поселения, выполнявшего роль наблюдательного пункта у переправы, очевидно, перешли к другому поселению, находившемуся ближе к Сипягинскому мысу (бывш. Еникале)» (1953, л. 1-2).

Рассматривая возможные причины прекращения жизни в Порфмии, нельзя не обратить внимание на последовавший приблизительно на рубеже II–I вв. до н.э. отток жителей из поселений Крымского Приазовья. Так, поселение «Золотое-Восточное», возникшее около третьей четверти III в. до н.э., «просуществовало до рубежа II–I или даже самого начала I в. до н.э.»; приблизительно в это же время жителями были оставлены поселения «Крутой Берег», «Казантип-Восточный II», «Казантип-Западный» и, возможно, другие поселения [Масленников, 2007а, с. 208]. Нельзя не согласиться с исследовавшим эти поселения А.А. Масленниковым, полагающим, что «перерыв

¹² В 2003–2004 гг. работы на некрополе велись под руководством научного сотрудника ИИМК РАН Р.В. Стоянова, а в 2008 – под руководством научного сотрудника КИКЗ П.Г. Столяренко, которым автор выражает свою признательность.

в их жизни – явления одного плана, а также с тем, что «вопрос о точном времени и причинах прекращения жизни в Приазовских городищах около рубежа II–I вв. до н.э.» является «весьма ... важным как для местной истории боспорской хоры, так и всего государства» [Масленников, 2007а, с. 209].

Каковы бы ни были конкретные причины (или совокупность причин), очевидно, что в новую эпоху, наступившую после Митридатовых войн, Порфмий утратил свое значение как крепость у переправы. Уточнить время прекращения жизни на поселении, вероятно, можно будет, предприняв тщательный анализ всей суммы позднейших материалов памятника, прежде всего, нумизматических. Эта работа еще ждет своего исследователя. Пока же приведем данные А.М. Гилевич, изучившей 135 монет¹³, найденных в Порфмии в 1975-1983 гг. [Гилевич, 1994, с. 24-25]. Ряд экземпляров определению не поддавался, хронология же и центры производства остальных выглядят следующим образом.

Большинство найденных в Порфмии монет принадлежали пантикапейской чеканке: 11 экз. относились к IV в. до н.э., самая ранняя монета – к 400-375 гг.; остальные – ко второй половине столетия. К III в. до н.э. принадлежали 48 экз. (в основном, к первой половине и середине столетия). II в. до н.э. датировались 46 экз., из них 28 относились к первой половине и середине II в., конец же столетия представлен единичными экземплярами. К I в. до н.э. относились 11 экз., причем 6 из них принадлежали 90-80 гг. до н.э. Ко времени Фарнака (63-47 гг. до н.э.) относились 3 экз., самой же поздней из монет пантикапейской чеканки оказалась монета времени Асандра (47-44 гг. до н.э.). Среди монет, определенных А.М. Гилевич, были встречены 2 монеты Фанагории II в. до н.э.,¹⁴ 5 монет Амиса и 2 монеты Синопы, относящиеся к митридатовскому времени (111-80 гг. до н.э.). Как представляется, анализ выборки монетных находок, проведенный этой исследовательницей, отчетливо иллюстрирует «угасание» торговой активности Порфмия примерно к середине I в. до н.э. и, очевидно, прекращение жизни на поселении около этого хронологического рубежа.

¹³ Всего за время раскопок Порфмия было найдено более 240 монет, так что выборка, изученная А.М. Гилевич, представляет собой примерно половину всех монетных находок.

¹⁴ Во время консультации по вопросам, связанным с нумизматическими материалами Порфмия, А.М. Гилевич сообщила мне о 13 известных ей найденных здесь фанагорийских монетах, отметив, что подобных монет в Порфмии было найдено больше, чем в Мирмекии и Тиритаке. По мнению исследовательницы, это обстоятельство объясняется близостью Порфмия к району переправ, определявшей его экономические связи, более тесные, чем связи других поселений, с городами азиатского Боспора.

М.Ю. Вахтіна

ПОРФМІЙ – ГРЕЦЬКЕ МІСТО БІЛЯ ПЕРЕПРАВИ
ЧЕРЕЗ КІММЕРІЙСЬКИЙ БОСПОР

Резюме

Боспорське місто Порфмій традиційно ототожнюється з руїнами античного городища, виявленого до північного сходу від м. Керч, на підвищеному плато неподалік від узбережжя Керченської затоки. Перші його розкопки були проведені Боспорською археологічною експедицією ЛОІА АН СРСР/ІІМК РАН у 1953 р. За декілька десятиріч систематичних розкопок був накопичений значний археологічний матеріал, який дозволяє наблизитися до розуміння особливостей життя та своєрідності матеріальної культури цього «маленького» боспорського міста.

На підставі маєвих в нашому розпорядженні даних можна з упевненістю говорити про заснування Порфмія у середині – на початку третьої чверті VI ст. до н. е. Будівельні залишки та оборонні споруди, які відносяться до VI – першої треті V ст. до н. е., були виявлені у східній та південно-східній частинах городища. Особливий інтерес завдають залишки архаїчних фортифікаційних споруд, які є не тільки самими стародавніми для даної пам'ятки, але також одними із самих ранніх, розкритих на Боспорі. На межі VI – V ст. до н. е. Порфмій пережив катастрофу – на всій площі, де були виявлені архаїчні залишки, просліджуються сліди пожежі. Результати розкопок дозволяють стверджувати, що життя в Порфмії після першої хвилі зруйнувань відновилося достатньо швидко. Очевидно, були відновлені та продовжили функціонувати фортифікаційні споруди. В цей період в Порфмії з'являються наземні житлові комплекси, возведені у техніці, яка характерна для поселень Боспора пізнього архаїчного та раннього класичного часу. Ці побудови підлягають зруйнуванню у середині – третій чверті V ст. до н. е.

Таким чином, на основі аналізу будівельних залишків, розкритих на великій площі у східній частині городища, ми можемо намітити два основних етапи в розвитку архаїчного Порфмія, відокремлених одне від одного та від слідуючого етапу шарами пожеж та зруйнувань. Ці зруйнування, на наш погляд, чудово ілюструють складну ситуацію, яка існувала в епоху архаїки у районі Кімерійського Боспору.

Дослідження показали, що у середині – другій половині III ст. до н. е. відбулася глобальна перебудова існуючого раніше поселення. В цей період були возведені нові оборонні споруди та житлові будівлі. Оборонні стіни міста та його житлові будинки були зорієнтовані на всі боки світу. Стіни, частково виявлені по всьому периметру міста, були складені з великих, майже не оброблених глиб мшанського вапняку. Розкрита одна з веж, північна – західна, прямокутна у плані. Пізній елліністичний місто складалося з восьми прямокутних кварталів, витягнутих зі сходу на захід. Кwartали були поділені продовжними вулицями та провулками. Будинки склалися з однієї або декількох кімнат, кожний будинок мав внутрішній двір. Матеріали, виявлені при розкопках елліністичних комплексів, свідчать про те, що мешканці міста займалися сільським господарством, рибалкою та полюванням.

В останні роки почалися дослідження на некрополі Порфмія. Досліджується ділянка некрополя, яка функціонувала у пізній елліністичній часи.

ПОРФМИЙ – ГРЕЧЕСКИЙ ГОРОД
У ПЕРЕПРАВЫ ЧЕРЕЗ КИММЕРИЙСКИЙ БОСПОР

Резюме

Боспорский город Порфмий традиционно отождествляют с руинами античного городища, обнаруженными к северо-востоку от г. Керчи, на возвышенном плато недалеко от побережья Керченского пролива. Первые его раскопки были проведены Боспорской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН в 1953 г. За несколько десятилетий систематических раскопок был накоплен значительный археологический материал, позволяющий приблизиться к пониманию особенностей жизни и своеобразия материальной культуры этого «малого» боспорского города.

На основании имеющихся в нашем распоряжении данных можно с уверенностью говорить об основании Порфмий в середине – начале третьей четверти VI в. до н.э. Строительные остатки и оборонительные сооружения, относящиеся к VI – первой трети V вв. до н.э., были выявлены в восточной и юго-восточной частях городища. Особый интерес представляют остатки архаических фортификационных сооружений, являющихся не только древнейшими для данного памятника, но также одними из самых ранних, открытых на Боспоре. На рубеже VI-V вв. до н.э. Порфмий пережил катастрофу – на всей площади, где были выявлены архаические остатки, прослежены следы пожара. Результаты раскопок позволяют утверждать, что жизнь в Порфмий после первой волны разрушений восстановилась достаточно быстро. Очевидно, были восстановлены и продолжали функционировать фортификационные сооружения. В этот период в Порфмий появляются наземные жилые комплексы, возведенные в технике, характерной для поселений Боспора позднеархаического и раннеклассического времени. Эти постройки подвергаются разрушению в середине – третьей четверти V в. до н.э.

Таким образом, на основании анализа строительных остатков, раскрытых на большой площади в восточной части городища, мы можем наметить два основных этапа в развитии архаического Порфмий, отделенными друг от друга и от последующего этапа слоями пожаров и разрушений. Эти разрушения, на наш взгляд, прекрасно иллюстрируют сложную ситуацию, существовавшую в эпоху архаики в районе Киммерийского Боспора.

Исследования показали, что в середине – второй половине III в. до н.э. произошла глобальная перестройка существовавшего ранее поселения. В этот период были возведены новые оборонительные сооружения и жилые постройки. Оборонительные стены города и его жилые дома были ориентированы по сторонам света. Стены, частично выявленные по всему периметру города, были сложены из крупных, почти необработанных глыб мшанкового известняка. Раскрыта одна из башен, северо-западная, прямоугольная в плане. Позднеэллинистический город состоял из восьми прямоугольных кварталов, вытянутых с востока на запад. Кварталы были разделены продольными улицами и переулками. Дома состояли из одной либо нескольких комнат, каждый дом имел внутренний двор. Материалы, обнаруженные при раскопках эллинистических комплексов, свидетельствуют о том, что жители города занимались сельским хозяйством, рыболовством и охотой.

В последние годы начались исследования на некрополе Порфмий. Исследуется участок некрополя, функционировавший в позднеэллинистическое время. Были обнаружены могилы разных типов: погребения в простых грунтовых ямах, плитовые гробницы и склепы, сложенные из крупных обтесанных блоков известняка.

Примерно в середине I в. до н.э. или чуть позднее город был заброшен и никогда больше не восстанавливался.

PORTHMION – GREEK CITY NEAR THE WAY ACROSS CIMMERIAN BOSPOROS

Summary

The article summarizes the main achievements in the investigation of the Greek Bosporan city of Porthmion (fig. 1). Traditionally, Porthmion is identified with the remains of ancient town situated north-east of the modern city of Kerch on the outskirts of the village Zhukovka (fig. 2). Information about a settlement called Porthmion is provided by ancient authors. That the name is derived from the Greek πορθμός (crossing) is fairly obvious and has never been questioned. Indeed, both written and archaeological sources suggest that one of the traditional routes across the Strait of Kerch linking the Kuban region with the Crimea ran close to the city. The proximity of Porthmion to the routes connected European and Asiatic parts of Bosporos Kingdom, which have been also used by nomad tribes with no doubt reflected at the history of the Greek settlement.

From 1953 the excavations at Porthmion were carried out by the Bosporan Archaeological Expedition of LOIA (now IHMC\IIMK) RAS. Quite a number of important discoveries are connected with the name of E.G.Kastanajan, who directed the excavations till 1986. Under her guidance the remains of Porthmion fortifications and residential constructions of the Late Hellenistic period have been uncovered (fig. 28) [Kastanajan, 1970; 1972; 1975; 1983]. During the next period of excavations from 1986 till now the special attention was given to investigation of the remains of Late Archaic and Early Classical periods. From 2003 the excavation at Porthmion necropolis began.

A considerable amount of evidences concerning the the initial stage of of the occupation of Porthmion has been gathered [Vakhtina, 2003; Vakhtina, 2006]. The results of excavations suggest that that originally the town was designed and founded as a small fortified settlement. The building remains dated from the second half of the 6th to the first third of the 5th centuries BC were uncovered in the eastern and south-eastern parts of the site. The most remarkable are the traces of the Archaic fortifications (fig. 3-9). The early fortification walls revealed at Porthmion are comparable in terms of their age and the construction technique only with the defensive walls of Myrmekion. They can be dated to the second half of the 6th century BC. The erection of defensive walls at Porthmion was not a mere tribute to caution, but was rather dictated by the harsh realities of life. Towards the very end of the 6th century BC the settlement was involved in a largescale catastrophe, during which the site were destroyed by fire. Immediately after the catastrophe mentioned above Porthmion was rebuilt. The foundations of the walls of the big dwelling complex excavated in the eastern part of the site (fig. 22) were put directly on the burnt level. In the first third of the 5th century BC this complex was in its turn also destroyed by fire. It would be natural to suppose that the immediate causes of those fires and catastrophes were most probably the aggravation in the connections with nomad tribes.

The next important period of the city's existence is connected with the building of the new fortifications (fig. 29-30) and new buildings (fig. 31), concurrently erected by a single plan in the mid.-second half of the 3rd century BC.

Life at Porthmion finally ceased around the middle of the 1st century BC. The fortress was abandoned and never was restored again. Having survived all the calamities of the preceding period, the inhabitants of the city left it after the Mithridates wars, during the epoch of prolonged crisis.

In recent years the investigation of Porthmion necropolis to the west from the site began. The excavations revealed several types of funeral constructions: burials in simple pits, burials in pits, covered with limestone plates, burials in crypts made of limestone blocks with collective burials. All the buried were put in graves with their heads towards the west; the funeral rite was obviously Greek (fig. 34). All the uncovered graves belonged to the Hellenistic period.

Рис. 1. Обобщенный топографический план Порфмия и его некрополя

Рис. 2. Городище Порфмий (вид с юга)

Рис. 3. Вид с холма, где располагался древний город, на Керченский пролив и современную паромную переправу

Рис. 4. Восточная архаическая оборонительная стена (современное состояние)

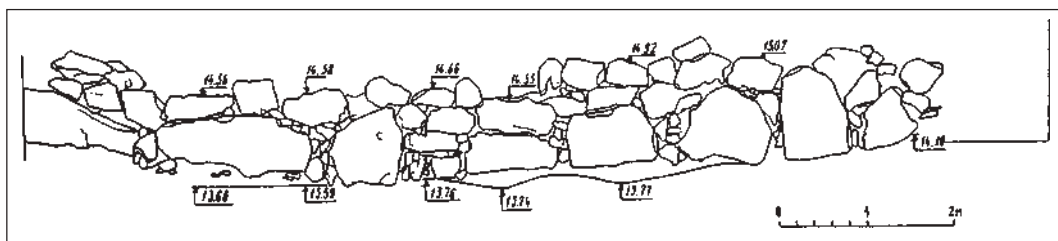

Рис. 5. Фас цоколя восточной архаической оборонительной стены

Рис. 6. Фрагмент кладки архаической оборонительной стены (съемка 1986 г.)

Рис. 7. Южная часть цоколя архаической оборонительной стены

Рис. 8. Архаический водосток

Рис. 9. Фрагмент западной архаической оборонительной стены

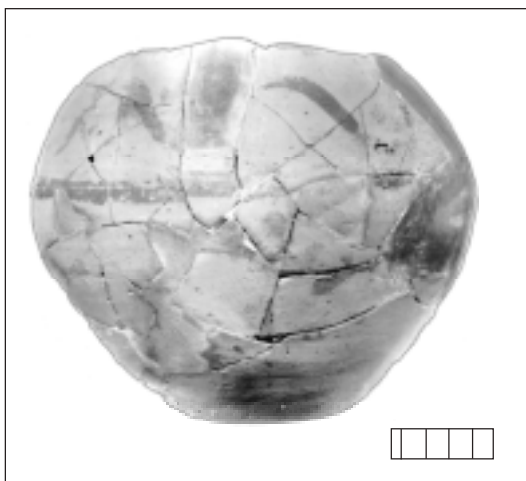

Рис. 10. Фрагментированный североионийский кувшин с росписью из полос и волнистых линий

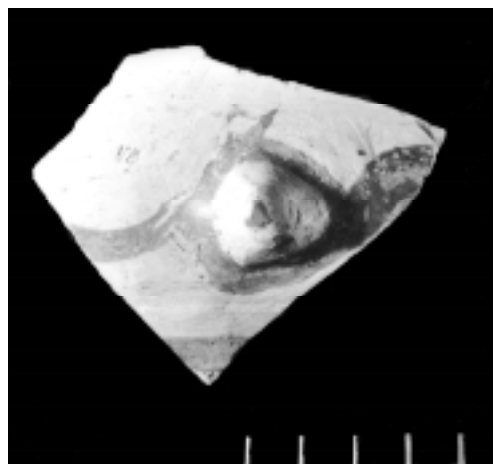

Рис. 11. Фрагмент стенки североионийского кувшина с ручкой-выступом

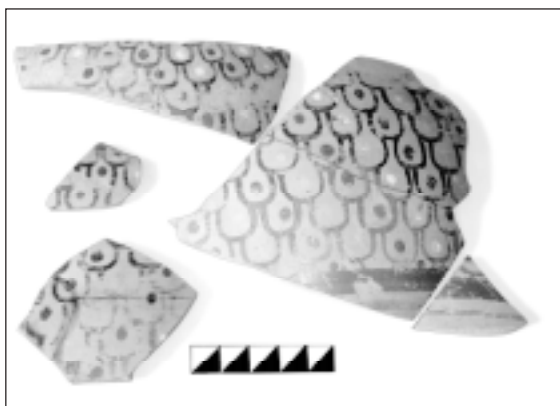

Рис. 12. Фрагменты клазоменских амфор

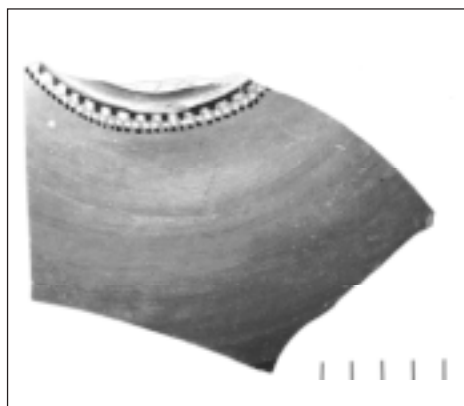

Рис. 13. Фрагмент клазоменского сосуда

Рис. 14. Фрагментированная клазоменская амфора, лежавшая «in situ» в горелом слое по трассе восточной оборонительной стены

Рис. 15. Железный кинжал из архаического слоя в западной части городища (раскопки Е.Г. Кастанаян)

Рис. 16. Фрагмент аттического чернофигурного лекифа с изображением «скифского лучника»

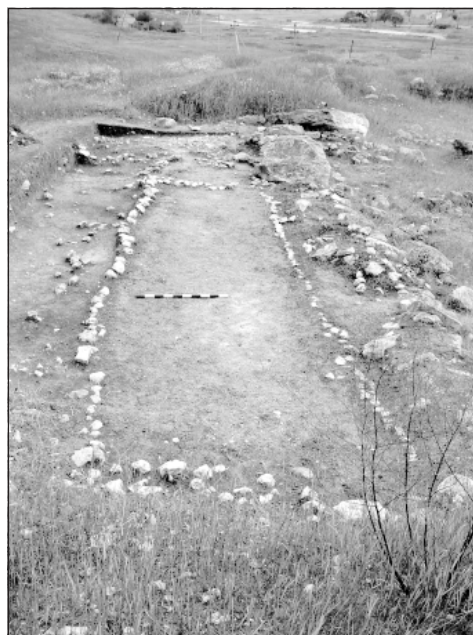

Рис. 17. Остатки помещений архаического времени в северо-восточной части городища

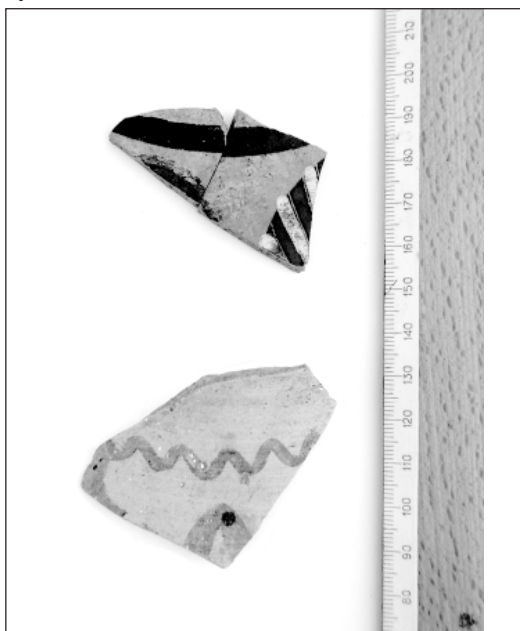

Рис. 18. Находки из развалов сырцовых стен в юго-восточной части городища:

1 - фрагмент клазоменской амфоры с частью изображения фантастического существа; 2 – фрагмент ионийского кувшина

Рис. 19. Остатки очага, открытого в юго-восточной части городища

Рис. 20. Фрагмент орнаментированной жаровни

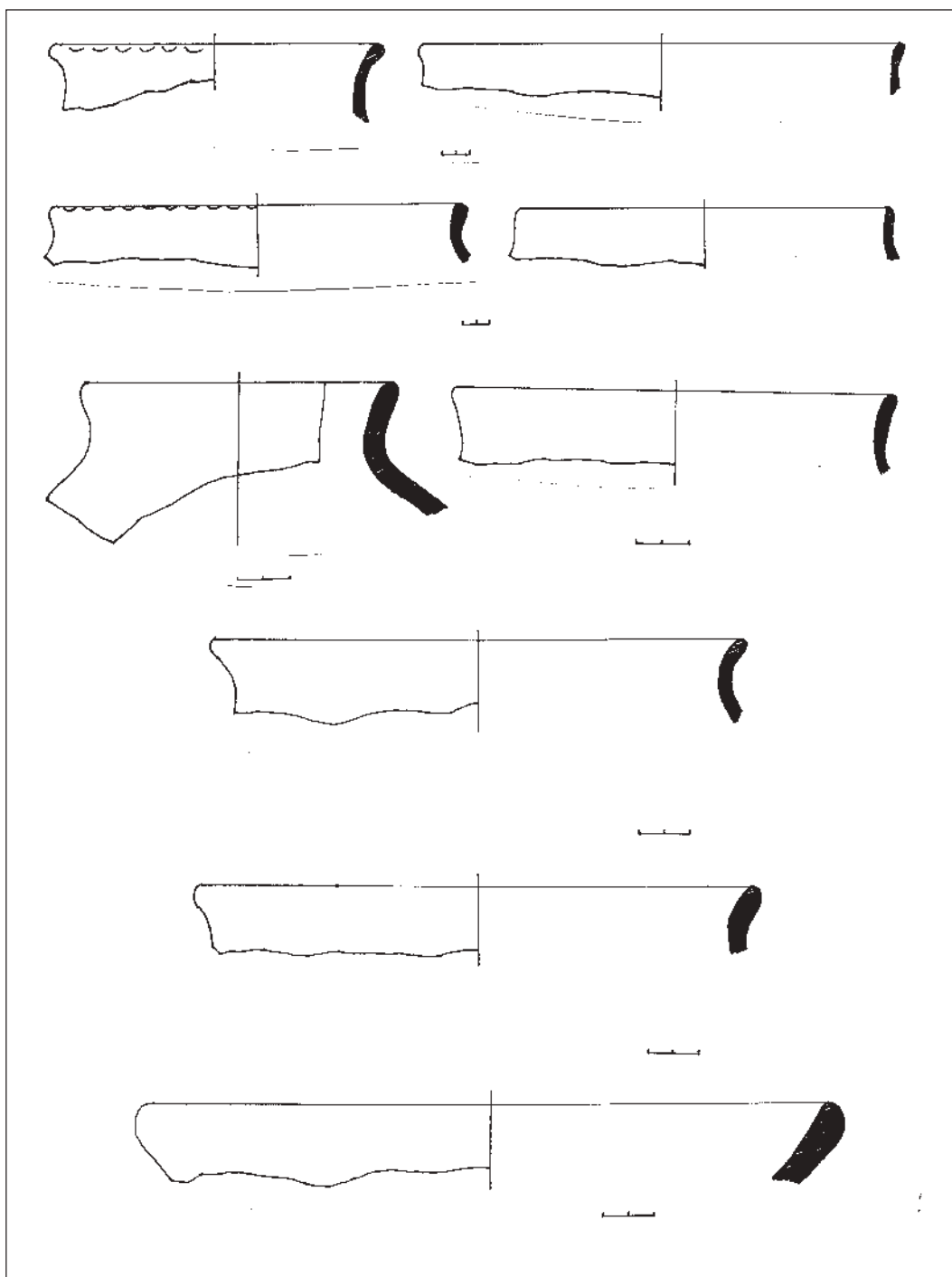

Рис. 21. Фрагменты лепной керамики из раскопок архаического Порфмий

Рис. 22. Часть позднеархаического наземного комплекса, пристроенного к восточной архаической оборонительной стене (вид с востока)

Рис. 23. Фрагмент костяной рукоятки ножа из помещения № 2

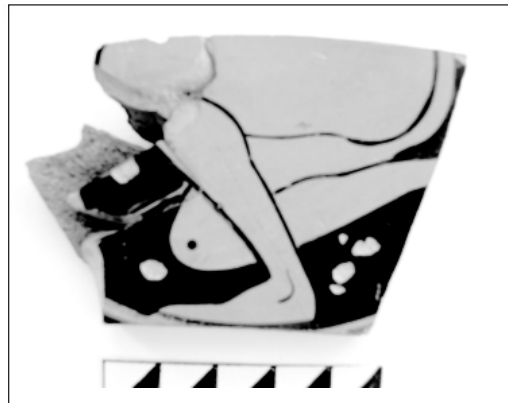

Рис. 24. Фрагмент дна аттической чаши с росписью в медальоне дна из зольника

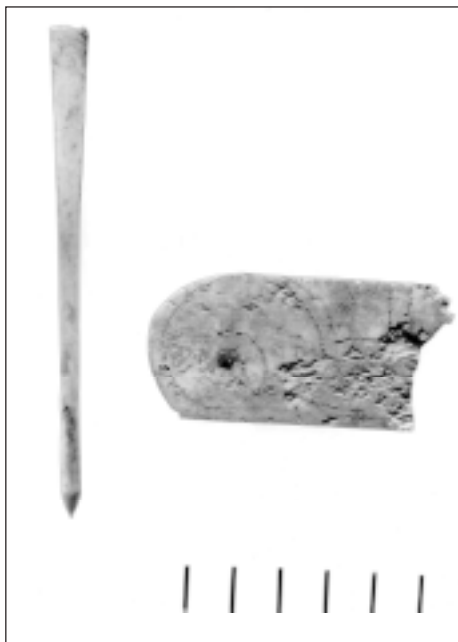

Рис. 25. Находки костяных изделий из зольника – стилос и фрагмент орнаментированной костяной пластины

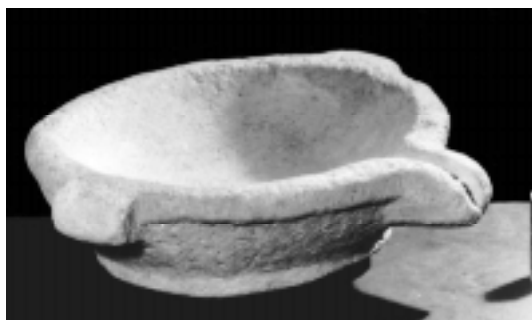

Рис. 26. Известняковый лутерий из свалки за пределами восточной оборонительной стены

Рис. 27. Стратиграфия восточного участка городища

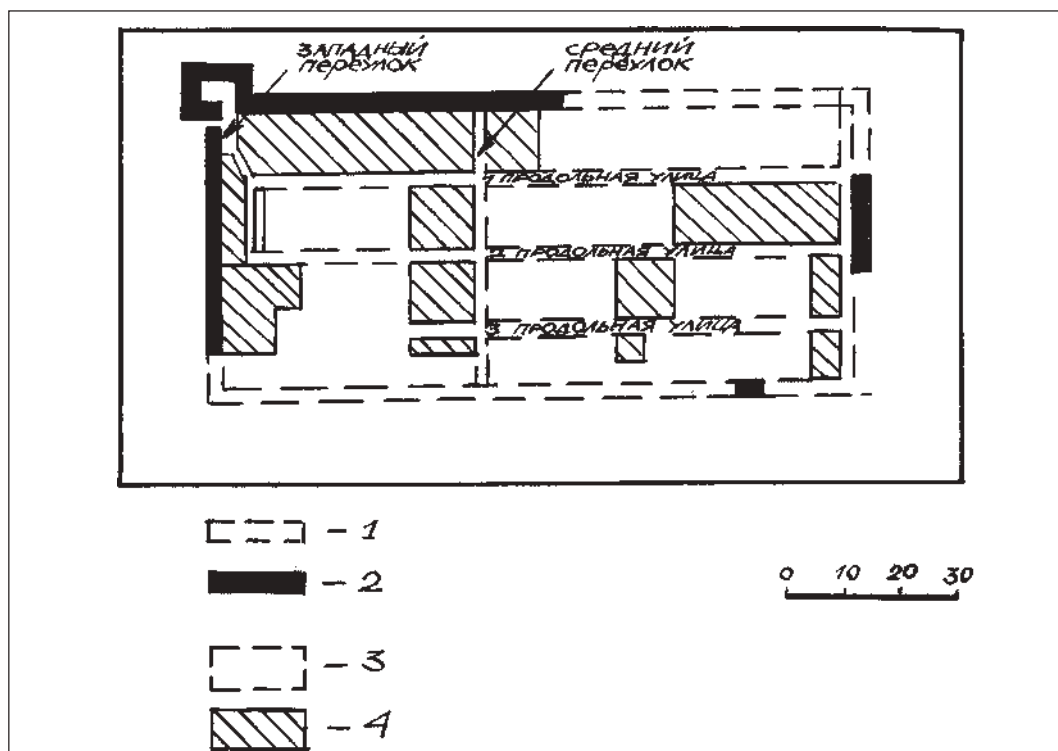

Рис. 28. План-схема эллинистического Порфмия (по Е.Г. Кастанаян).

1 – предполагаемые границы оборонительных стен; 2 – остатки фортификационных сооружений, выявленных в процессе раскопок; 3 – границы жилых кварталов; 4 – раскопанные участки жилой застройки

Рис. 29. Остатки северо-западной эллинистической башни (раскопки Е.Г. Кастанаян)

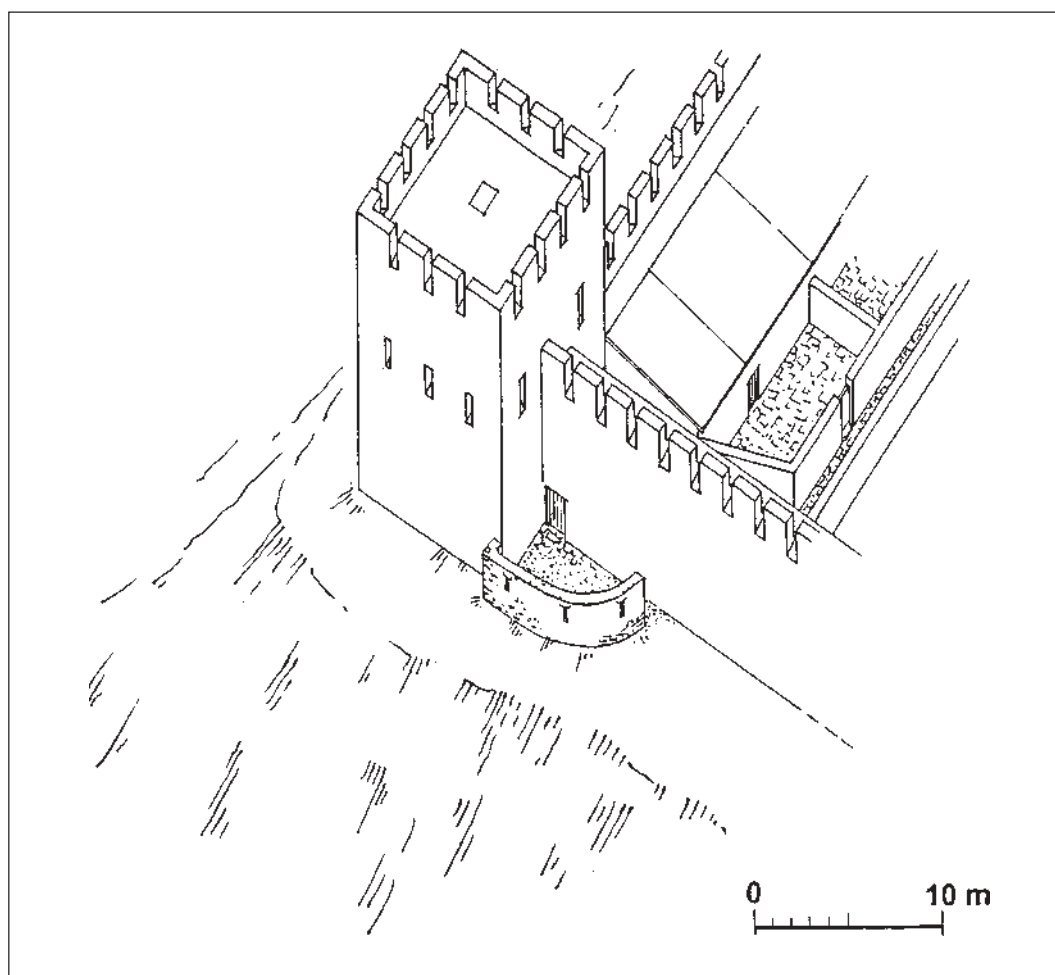

Рис. 30. Укрепления эллинистического Порфмия (реконструкция В.П. Толстикова)

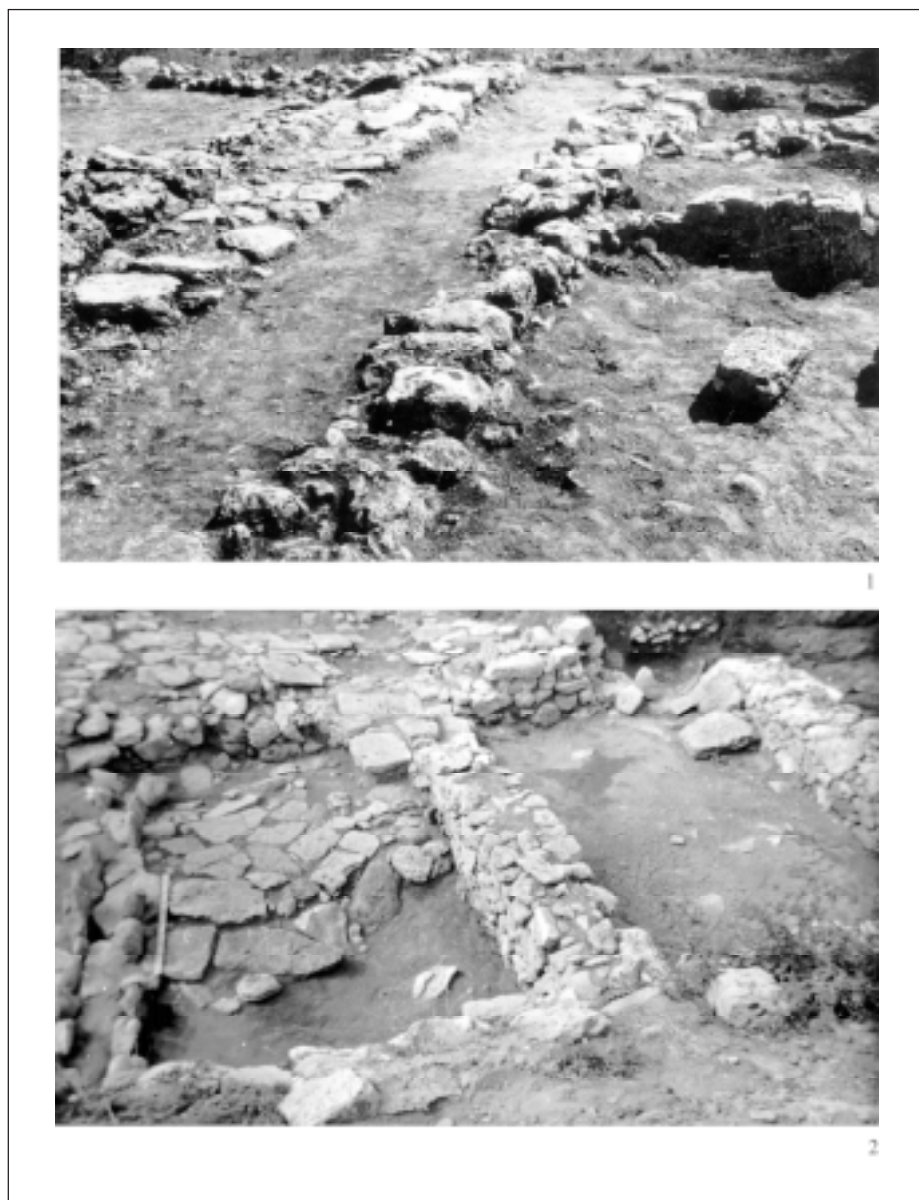

Рис. 31. Фрагмент городской застройки эпохи эллинизма (раскопки Е.Г. Кастанаян)

1 – 2-ая продольная улица; 2 – остатки жилого дома на раскопе III (А-Б)

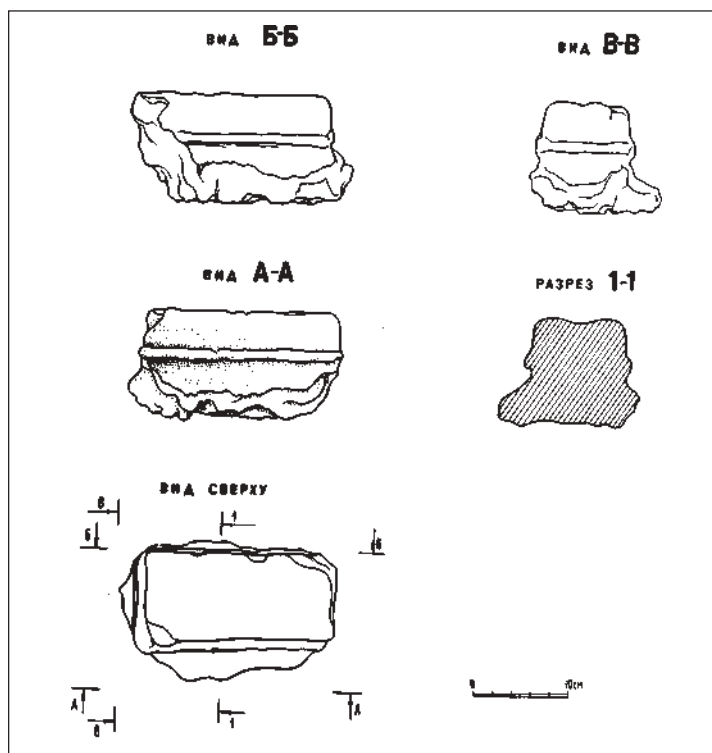

Рис. 32. Фрагмент известняковой эллинистической капители

Рис. 33. Фрагменты терракотовых статуэток, представляющих Кибелу, сидящую на троне (из раскопок Е.Г. Кастанаян)

Рис. 34. Некрополь Порфмия. Склеп № 4 (раскопки П.Г. Столяренко)

Рис. 35. Антропоморфное надгробие, найденное на некрополе (склеп № 1) (раскопки Р.В. Стоянова)